



Дмитрий КРАСЬКО

**ВОЛК
ОДИНОЧКА**

Дмитрий Красько

Волк-одиночка

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356371

Аннотация

В городском парке, в машине третьего таксомоторного, находят обезображенный труп Четырехглазого. Михаила Мешковского привозят на опознание. Потрясенный увиденным, он вдрызг ссорится со своими друзьями и принимается за расследование в одиночку. Ведь, кроме него, никто из коллег не видел кошмарной картины в городском парке. Аргумент весьма спорный, но для Мешковского он становится определяющим – отныне он добровольно возлагает на себя обязанность отомстить за смерть друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дмитрий Красько

Волк-одиночка

Глава 1

Желтые, скрюченные в букву «е» листья падали на крышу, капот, лобовуху и, шурша, скатывались вниз. Это была осень. Все вокруг было тоскливо, и листья шуршали тоскливо. Даже моя машина выглядела тоскливо. Может, и нашелся бы сейчас тип вроде старого доброго аса Пушкина, который, употребив для сугреву, крикнул бы, потеревил баки и пробормотал что-нибудь про унылую пору – очей очарованье, глядя на всю окружающую хрень.

Я, в любом случае, не согласился бы с ним. Более мерзкого времени года представить невозможно. Природа готовится впасть в спячку, а ты сидишь, понимая, что тебе этого не дано, и настраиваешься на то, что несколько месяцев кряду будешь мотать на кулак сопли по случаю зимы и холодов.

Впрочем, очень может быть, что я неправ. Может, прав как раз ас Пушкин. Но для такой меланхолии у меня было основание. Если точнее – даже несколько.

Во-первых, вчера утром Женечка, с которой мы прожили душа в душу целых три недели, собрала манатки и покинула мою враз осиротевшую обитель, сообщив напоследок, что я

ее устраиваю в плане физиологическом, а вот в плане бытовом – как-то не очень. Я, будучи джентльменом до мозга костей, проводил ее до самого порога и даже попытался поцеловать в щечку на прощанье, но, получив закрывшейся дверью по физиономии, раздумал это делать. И даже не попытался остановить, за что потом бил себя по лицу и делал другие гадости. Потому что, к стыду своему, успел прикипеть к этой самой Женечке душой, и через пару часов после ее ухода во мне уже скреблись кошки, заливая кровью внутренности. На память остались порванный в порыве страсти лифчик да терпковатый запах духов, успевший крепко въестись в стены. Маловато для здорового мужика тридцати трех лет от роду.

Следующий удар нанес наш завгар, гнусный и подлый человек по прозвищу и фамилии Макарец. Подозвав меня вечером, он, ехидно усмехаясь и шипя воздухом сквозь проделанные мной в частоколе его зубов дыры, сообщил, чтобы я готовился. Ибо через две недели перестану быть сотрудником данного таксомоторного заведения. Макарецову радость можно было понять – я за подлость не раз занимался его воспитанием путем рукоприкладства. Ну, так ведь и натерпелся не меньше. Как бы там ни было, а я даже не стал докапываться, по какой причине меня списывают на землю. Вряд ли Макарец расколется. Да и причин он мог нарыть немало – слишком долго заносил в свои кондуиты мои грехи. В общем, мне светила перспектива остаться без работы.

Но самым хреновым было не это. Самым хреновым было то, что сегодня утром какой-то спортсмен-любитель, ценитель утренних пробежек и собственного здоровья, увидел в Центральном парке такси с распахнутыми дверцами. Человеку свойственно любопытство, иначе он давно вымер бы от голода, перенаселив Землю. Бегун заглянул в машину. И побежал дальше – вызывать милицию. Я ему не завидую – вряд ли он сможет спать без кошмаров ближайшие месяца три. И пару недель, как минимум, будет маяться несварением желудка.

У меня, чтобы не соврать, нервы железные и желудок может при желании гвозди переварить. Но после того, что я увидел в том такси, чувствовалось, что и мне на пару дней голодный паек обеспечен.

Там, вытянувшись на передних сиденьях и полоская голову в луже собственных крови и мозга, лежал человек. Меня, как слегка припозднившегося, привезли на опознание. И я опознал. Не по лицу – оно было изуродовано так, как Бог над черепахой не издевался. Но по шраму на тыльной стороне ладони, по одежде, по хилому телосложению, по красному галстуку на шее, которым он, почему-то, так дорожил, да по очкам в легкой позолоченной оправе, я узнал Четыре Глаза.

Он был слабым и тихим парнем. Но он был моим другом. Он не имел на своей душе ни одного греха, кроме растоптанного в детстве таракана. С ним нельзя было посидеть по-человечески за бутылкой водки, потому что после трех сто-

париков он уже лыка не вязал. С ним нельзя было выходить на охоту за любительницами острых ощущений, поскольку он обожал свою жену и блюл чистоту семейных отношений.

Но он никогда не делал подлостей – по крайней мере, на моей памяти. Он никогда не отказывал мне в помощи – по крайней мере, когда я в ней нуждался. Он умел заткнуться в нужное время и оказаться в нужном месте, подзанять денег и достать что-нибудь незаконное. В общем, он был моим другом. Хилым, тщедушным, но – другом.

Я долго стоял в парке, навалившись обмякшим плечом на дуб, смотрел на возню вокруг тела сначала ментов, а потом медиков, морщился, как от зубной боли, и все думал – что за твари превратили в компот светловолосую голову моего друга?

При нем не нашли ни денег, ни бумажника, ни часов, ни даже обручального кольца. Он умер потому только, что имел неосторожность заниматься работой, которая предполагает взимание денег с клиентов и складывание их в «кормушку». Она, кстати, тоже была пуста. Ограбление – налицо. Но зачем же так зверски-то?! Ему, если разобраться, хватило бы одного удара по ушам, чтобы отрубиться на часок.

...Листья по-прежнему падали, грустно шурша. Все-таки мерзкое это время – осень. По какому праву она существует? По какому праву существует мутор в моей душе? Зачем так несовершенен мир, Боже? Или это люди, его заселяющие, вымарали его своими потными от натуги телесами?

Или это я где-то заляпал душу в дерьме, и теперь грешу на все, что вижу, когда достаточно очиститься самому? Вопросы, вопросы... Кто ответит на них мне, Мише Мешковскому, чей позывной Мишок, человеку без особых талантов и незапятнанной совести, с трясущимися время от времени руками, но все же – человеку, которому тоже свойственно, как оказалось, бояться, любить, страдать и – оставаться без ответа?

Какие-то двое длинноволосых в потасканной одежде бросились к моей машине через дорогу. Я без предубеждения отношусь ко всякого рода хиппи, но на этот раз быстро вытянул руку и задвинул защелки на дверях. Ехать куда-либо в таком состоянии я не собирался. О чем и сообщил определенным жестом расплывшемуся о стекло лицу.

Лицо оказалось с понятием, махнуло на меня рукой и побежало дальше, оставив безвольное водительское туловище наедине с его мыслями.

Мыслей у туловища было хоть отбавляй, но все они были какие-то неправильные, скользкие и противные. Подозрительно сильно смахивали на глубоководных рыб: во тьме умственных глубин чувствовали себя более или менее нормально, но поднимаясь выше, взбужали, а еще выше – и их разрывало от собственного внутреннего давления. И тогда по поверхности мозга расплывалась вся неприглядная сущность, включая кишки и прочие жабры. А мне, как владельцу всего этого добра, оставалось то, что оставалось – воню-

чая плоть, явственно отдающая смертью, воспоминания о бренности бытия и краткая, но истертая веками и глупцами мысль: все мы там будем. Как это ни пошло.

Четыре Глаза ушел. Он был не первый. Далеко не первый, если считать со времен Адама. Но даже если брать тот небольшой отрезок времени, что сумела зафиксировать моя память, он был даже не десятым. Я бы дорого дал, будь он последним, но ведь и это не так. За ним еще пойдут другие, чуяло мое сердце. И очень скоро пойдут. Я постараюсь.

На стекло неприличным черно-белым пятном капнул привет от пролетавшей мимо вороны. Я встрепенулся, включил дворники, и те размазали птичье дерьмо по лобовухе.

Грусти – не грусти, а работы сегодня все равно никакой не получится. Я просто не в состоянии буду ничего делать. Лица клиентов – прекрасно знаю по предыдущему опыту – станут вдруг тупыми и ужасно нудными, я начну раздражаться по пустякам, грубить, а закончится все тем, что либо я кому-нибудь зубы выбью, либо подобное проделают со мной.

Проведя языком по трем дырам, оставшимся на том месте, где некогда красовались зубы, я вздохнул и завел машину. Дальнейший план действий был очевиден – я вклинился в поток машин и отправился в гараж.

Из первой полосы старался не выбиваться. Нервные окончания подрагивали, как Анка-пулеметчица за своим любимым занятием, а потому двигаться приходилось медленно и осторожно. Мне совсем не улыбалось влипнуть в этот день в

неприятность под названием ДТП. И без того в голове бардак.

В гараже витало траурное настроение. Даже Макарец, и тот – вот уж никогда бы не подумал – спал с лица. Его тонкие бледные губы кривились в нервических гримасах, обнажая щербатые десны. По его небритым щекам – клянусь! – время от времени стекали слезы.

Я загнал машину вглубь бокса и выбрался из салона. На краю смотровой ямы сидел механик Вахиб и курил, не обращая внимания на Макареца, который еще день назад при виде такой картины стал бы ядом плевать и делать вид, что он – потерявший управление космический корабль. Но теперь завгар лишь мотал сопли на кулак, шмыгал носом и вообще всем своим видом показывал, что он не полное дерьмо, а тоже, в некотором роде, человек.

Я засунул руки в карманы и уставился в окно. Узкое, высокорасположенное, оно показывало унылую панораму октябрьского неба. Ярко-синего, солнечного, но уже до холодной сталистости отмытого дождями и отполированного заморозками.

Вздыхнув, я пошел к Макарецу. И, подойдя, впервые за несколько лет обратился к нему по-людски:

– Это, Василич... Натурально, я не я буду... Никак, вообще...

– Чего? – удивленно спросил он.

Вы будете смеяться, но я смутился. Я, Миша Мешков-

ский, не мог найти слов, чтобы выразить то, что думаю! Впрочем, только сначала. Потом дело пошло лучше:

– Не смогу я сегодня работать. Руки трясутся. Нервы – ни к черту. Еще собью кого-нибудь. Неохота. Я ставлю машину.

– Ставь, – он махнул рукой и шмыгнул носом. – Какая теперь-то разница?..

Я так и не понял, что имел в виду завгар – или то, что со смертью Четырехглазого во всех что-то надломилось, или что мне теперь можно делать, что угодно – все равно меня скоро попрут из таксопарка.

Разбираться я не стал. Потому что не врал, говоря, что нервы – ни к черту. Напрягись я сейчас мозгом, и не уверен, что смогу удержать на месте свою крышу. А потому просто протянул Макарецу ключи, нашел свою фамилию в протянутом журнале, поставил напротив закорючку, долженствующую означать подпись и, через раз переставляя ноги, пошел к выходу.

Мне было хреново – факт. Так же, как хреново было всем, кто работал в гараже и кому уже сообщили о смерти всеобщего приятеля Четыре Глаза. Так же, как хреново было самой природе – она вяла без зазрения совести, усугубляя хреновость в людских душах.

Я знал, что рано или поздно доберусь до подонков, разможживших Четырехглазому голову. Я чувствовал, что этого не избежать. Даже несмотря на то, что не знал, с чего начать поиски. Но что-то, какое-то неясное предчувствие, со-

сало мою душу. Она чувствовала близкую кровь, и настраивалась на бой.

Но с кем? Я не знал, где противник, не знал, в какую сторону нанести первый удар. Более того – я не знал, первым нанесу удар или все-таки буду стороной обороняющейся. Впрочем, тут у меня было определенное преимущество – я знал, что война будет, а подонки – нет. Фактор внезапности оставался на моей стороне, но как его использовать, я тоже не знал.

Мысли выписывали кренделя, запутывались в морские узлы при первой попытке привести их в относительный порядок для подготовки плацдарма идей. И то, что они никак не хотели сортироваться, говорило только об одном – самих идей, по крайней мере, сегодня, мне не видать.

Чтобы хоть немного провентилировать мозг, я побрел в сторону Набережной. Другого места, чтобы постоять, не бросаясь в глаза странностью своего поведения любопытным прохожим, я не знал. Не в горпарк же идти, в самом деле, где до сих пор витала неуспокоенная душа Четырехглазого. А идти домой, где все до пошлости уютно, знакомо и пахнет Женечкой, не хотелось.

Люди и машины текли мимо – кто обгоняя, а кто – наоборот, спеша навстречу, – и им было просто. У них не было друга, растерзанный труп которого им продемонстрировали сегодня поутру. У них были обычные дела и заботы, и они воображали, что это очень важно, очень трудно и неспра-

ведливо – именно на них взваливать эту непосильную ношу. Чушь. Но подобную чушь еще вчера порол и я, спеша куда-то, ругаясь и плюясь матерными словами. Вчера я даже не подозревал, что может быть еще труднее. Намного труднее – стократ. Что душа, в которую беспардонно и смачно плюнут, может устроить мне аутодафе.

В общем и целом, я, если чем и выделялся из толпы, то, наверное, именно отрешенным и заторможенным видом. Но это внешне. Внутренне же я был совсем – как инопланетянин – другой.

Я шел и думал. Лица встречных и поперечных расплывались, как в тумане, но я не обращал на эту странность внимания. Пусть себе расплываются. Хоть по молекуле до размеров Вселенной. К черту. У меня друга грохнули.

Я шел и вспоминал Четыре Глаза. Как он дурачился, отдавая Макарецу пионерский салют, осененный болтающимся на шее пионерским галстуком. Как он однажды, в стельку пьяный, пытался выбраться на четвереньках из гаража и ползти домой, где его ждала – совершенно трезвого, между прочим – верная супруга. Как он уронил колесо в смотровую яму и угодил им прямо по кепке Вахибу, да так удачно, что тот полчаса гонялся за виновником по всему гаражу, ругаясь по-адыгски и потрясая ключом на тридцать три.

Вспомнил, как мы, таксисты, бились об заклад, ставя на кон ящик водки, удастся ли кому вывести его, невозмутимого в принципе, из себя. Пари заключалось несколько раз, но,

насколько я помню, психанул Четыре Глаза только однажды, да и то не на спор, а потому, что кто-то не выбирал выражений, говоря о его семейной жизни. Этот «кто-то» пришел в гости в гараж сильно выпивши, устроил посиделки и нагрубил Четырехглазому. Тот, окосевший, без лишних слов взял с ящика бутылку водки и разбил о голову грубияна. И только после этого стал бить себя в грудь, матерно ругаться и кричать, что никому не позволит поносить его Любаву. Но виновник происшествия этой речи уже не слышал – он лежал на полу, и над его ухом с поразительной скоростью набухла шишка.

Вспомнил я и те несколько заварушек, из которых нам приходилось выпутываться вместе. Иногда помогал он мне, чаще – я ему. Но, как бы там ни было, я всегда знал, что моя помощь окупится – стоит мне попасть в хипеш, позову его, и он придет, вооружившись первым, что попадется под руку, хоть вилкой, хоть скалкой. А нетрадиционным оружием он, не смотря на хилое телосложение, орудовал на удивление ловко. Самое интересное, что ни нож, ни пистолет в его руках не держались – в этом смысле он был совершенный пацифист.

И вот такого парня сегодня ночью какие-то ублюдки угробили за жалкую тысячу рублей – разве это цена его жизни, с которой мне, допустим, и вовсе стоило брать пример? Но эти сволочи не спрашивали у него биографию. Они просто поставили в ней точку. Грубо. Монтировкой. Или газовым

ключом. Какая разница, если книга его жизни так и не была дописана?!

Я заметил ступеньки и спустился вниз, к воде. Грязные, вонючие струи – не реки даже, ручейка – несли на своей поверхности всякий хлам. Обрывки газет, в которые бомжи, киряющие где-то выше по течению, заворачивали закуску; щепки и палочки, которые в глазах десяти-одиннадцатилетних сограждан выглядели, натурально, корабликами; упаковки от презервативов и йогуртов, которыми лакомились на берегу молодые люди мажорного типа. Ручей был такой же мерзкий и вонючий, как осень. Никакой разницы.

Я примостился в укромном закуточке метрах в двадцати от лестницы, вынул из кармана сигареты, сунул одну из них в рот, поджег. И подумал, что в последнее время стал слишком много курить. С какого-то момента даже курево сам себе покупаю. А ведь раньше, бывало, стрельнешь одну сигарету раз в два-три дня для успокоения нервов, и порядок. Разве, скажем, лет пять назад я думал, что буду скуривать по десятку боеголовок ежедневно? Да скажи мне кто такое, я бы ему в лицо расхохотался, посчитав сказанное глупостью.

Но сейчас было другое дело. Я привык к новому положению. Выкуривал сигарет по десять, и даже не задумывался, почему. То ли оттого, что жизнь стала более нервная, то ли оттого, что старый стал. Да и не суть важно это. Все равно ведь курю, и вряд ли уже брошу. Даже желания не возникает. Действительно худо-бедно нервы успокаивает.

Я сидел, курил, и смотрел, как ветер срывает с кончика сигареты пепел и искры и уносит их куда-то вбок. Туда же густым шлейфом улетал и дым, вырывавшийся изо рта.

Как душа Четырехглазого, блин!

Небо затягивалось тучами, воздух набухал влагой, темнел. День готовился выдать серию водяных ударов по расклеившемуся городу и его раскисшим обитателям, одним из которых был я. Не везет, так не везет. Даже в мелочах. Вымокну, как последняя собака, а то и воспаление легких подхвачу. Впрочем, плевать.

Не знаю, сколько бы я так еще просидел – с раскисшими мыслями и сам растекшийся, подобно медузе. Но мне помешали пожирать планктон грустных полудумок-полудремок.

Из сгустившегося предгрозового сумрака передо мной нарисовались двое. Пьяные, как революционный броненосец «Потемкин». Пошатываясь, они с интересом рассматривали меня. Я с не меньшим интересом смотрел на них. Невооруженным взглядом было видно, что они хотят подраться. Что ж, может, это было то, что нужно и мне. Драка – не важно, хорошая или плохая. Главное – нанести удар. А может, десяток-другой ударов. Чтобы выплеснуть через них злость, душевную пакость – все то, что отравляло жизнь в данный момент. Пусть эти двое побудут козлами отпущения. Жалко, что ли? Тем более, что сами они, кажется, не против.

Возможно, парочка была слишком пьяна, чтобы замечать нюансы. А может, никаких нюансов и не было, а на глазах

у меня висела все та же пелена задумчивости – несмотря на то, что в голове уже носились вполне конкретные мысли. Но эти двое ничего не замечали.

– Смотри, Саня, нарк! – сказал один.

– Укуренный, – согласился второй. – Или уколотый. Эй, паря, ты слышал про здоровый образ жизни? Тебя в школе этому учили?

– Да ни хрена его ничему не учили, – снова встрял первый.

– А зря. Теперь нам за них отдуваться, восполнять пробелы в образовании, – вздохнул Саня. – А ну, Паш, поставь его на ноги, я курс лекций читать буду.

Паша нагнулся, взял меня под запястья и без особого напряжения поставил на ноги. Парни были крепкие, качки, а потому серьезного отпора не опасались, полностью полагаюсь на свою силу. А у Сани на шее к тому же болталась золотая цепь – символ чего-то до невозможности крутого, помогавший шагать по жизни с высоко поднятой головой.

Придерживая меня за плечи, Паша выстроился рядом и, пошатываясь, стал ждать дальнейшего развития событий. А Саня, кашлем прочистив горло, начал внушать мне:

– Тебе в детстве говорили, что надо заботиться о своем здоровье? Даже курить вредно. И водку пить лошадиными дозами – вредно. Но наркотики – хуже всего. А ты сидишь сейчас на берегу, в прекрасном месте, и подаешь безобразный пример детям. Так нельзя.

Он развернулся и ударил меня по уху. Не очень больно,

но очень сильно. Скорее, толкнул, чем ударил. Я качнулся было в сторону, но Паша меня удержал.

– Усвоил? – спросил он и упал на землю после того, как мои руки, взлетев воздух, с двух сторон ударили его по ушам. Попытка сплющить голову не удалась, но Паше все равно стало хреново от внезапного скачка давления в черепе.

При виде такого безобразия Саня рыкнул что-то невразумительное, но до крайности боевое, и пошел в лобовую атаку. Я удачно встретил его коротким прямым, попал в зубы, и атака захлебнулась. Саня явно не ожидал такой прыти от обкуренного нарка, поэтому в его глазах засветилась обида, такая же большая, как у малыша, когда у него отбирают любимую игрушку, которой он только-только собирался побаловаться. Не повезло, в общем. Пришел злой дядька и всю малину испортил. Фу, какой нехороший дядька!

Такие чувства испытывал Саня. Я же почему-то вообще ничего не испытывал. Просто, поскольку останавливаться на полдороге было ниже моего достоинства, поднял ногу и впечатал каблук туда же, куда несколько ранее – кулак. В зубы.

Саня отступил на шаг, дав мне возможность для маневра, и я ею воспользовался. Шагнул вперед, слегка прогнувшись, и провел удар кривой снизу. Апперкот! Это было как в кино – противник щелкнул зубами, взлетел на пару десятков сантиметров вверх и грохнулся наземь. Нокаут. Но считать до десяти я не стал. Развернулся и пошел прочь.

Ни хрена она не помогла, драка. Мне нужен был приток

адреналина в кровь, а его не было. У меня даже руки не дрожали, как обычно бывает после потасовки. Да и саму ее я провёл, как шахматную партию – с полным отсутствием эмоций, легко просчитывая ходы и варианты. Будь я на ринге, это был бы огромный плюс в мою пользу. Но ринга поблизости не наблюдалось, поэтому получился не менее огромный минус.

Состояние не улучшилось, даже наоборот. Ненужная, как оказалось, драка, стала еще одним плевком в мою чувствительную душу, и теперь там вообще творилось черт знает что. Хреновина какая-то, в общем, творилась, от которой хотелось быть волком и грызть камни парапета. Хотя и это не помогло бы, я точно знаю.

Но было одно верное средство. Не то чтобы оно заглушило боль в душе или тем более вылечило ее, но, по крайней мере, дало бы угар, сон, который продлится часов несколько. А за это время, глядишь, и полегчает.

Об этом средстве я вспомнил, проходя мимо вереницы киосков, выстроившихся вдоль Набережной. А что? Чем я хуже тех двух качков, которых отправил отдыхать на сырой холодный асфальт? Я не хуже. К тому же мне это сейчас нужнее.

Я подошел к окошку и, отсчитав четыре червонца, протянул их продавцу, пояснив:

– Бутылку коньяка.

Глава 2

Что бы там ни говорили о зеленом змие, а порой он тоже добрые дела делает. Да какие – людей спасает! Сколько несчастных влюбленных, уже заготовивших и намыливших веревку, его посредством переставали быть либо несчастными, либо влюбленными, а иногда и теми, и другими сразу. И ничего, жили потом, родили детей. Изредка получались вполне приличные, между прочим, дети. Или еще – сколько разочаровавшихся в жизни вместо цыкуты пили водку, а протрезвев, понимали, что жизнь не кончена, что еще можно попытаться что-то сделать. И делали. Интересно, что сам зеленый змий при этом оставался в лучшем случае не у дел. В худшем – виноватым. Но он не обижался, старая добрая рептилия. Все так же продолжал охранять человечество.

Ни запах Женечкиных духов, ни убийство Четырехглазого не трогали меня в тот момент, когда я открыл глаза. Было жутко, противно, муторно, но причина была в другом. Я просто болел с похмелья. Болел невероятно, за всю свою большую семью – папу с мамой и семерых братьев, которых я лет пятнадцать не видел и видеть не имел желания.

Голова трещала, как лед на крутом морозе. Язык во рту ворочался с трудом, ему приходилось с боем продираться сквозь липкую грязь, осевшую на зубах, небе, деснах после вчерашнего. Было стыдно. Стыдно того, что напился, как

свинья. Хорошо хоть, что соседу снизу не пошел морду бить, хотя стоило – третьего дня выплеснул из окна помой и обляпал мое такси, стоявшее во дворе. И мне, высунувшему, как Савраска, язык, пришлось отмывать грязь своими руками.

Хотя, стесняться мне, по большому счету, было нечего. Морда соседа осталась целая и невредимая, и вообще я старался никому на глаза не показываться, пия в строгом и гордом одиночестве. Свидетелями моего позора были только тараканы, но им было плевать, в каком состоянии я нахожусь. Пьяный – так пьяный, трезвый – так трезвый. Они особой разницы не видели. Лишь бы крошки в кухне оставлял.

Головная боль была дикой и заставляла задуматься – не слишком ли быстро я начал пьянеть и не есть ли это первый признак алкоголизма? Поразмыслив, я решил, что пьянеть стал действительно до неприличия быстро. И, пожалуй, это есть ни что иное, как следствие нездорового образа жизни – в последние несколько месяцев я практически не ложился спать в трезвом виде. В результате – полная потеря памяти после единственной бутылки коньяка, тупой стук в висках и острые угрызения совести – и это у здорового тридцатитрехлетнего мужика, поверите? Свихнуться можно.

Так и валялся в постели, терзаясь головой в полной темноте – за окном была ночь, фонари во дворе какие-то сволочи повыбивали еще в те времена, когда я мог запросто нарисовать прямую линию так, чтобы она не выглядела очень волнистой, а это было в глубокой древности, года два-три

назад. В общем, в окна спальни, которые я вчера, с пьяных глаз, так и не задернул шторами, если и попадал какой свет, то только свет карманного фонарика случайных прохожих. Потому что небо было, как сплошной шмат антрацита – его затянул плотный слой туч, сквозь которые не могла пробиться ни Луна ни, тем более, звезды.

Жутко горели трубы. Аж пар изо рта шел. Но вставать теплыми со сна ногами на холодный и скользкий, как лягушка, линолеум пола не хотелось. Я терпел. Сколько – не знаю. До тех пор, пока трубы окончательно не перегрелись и не поставили мне ультиматум: либо я встаю, иду в кухню и жадными глотками заглатываю половину чайника кипяченой воды, либо они перекрывают доступ воздуха в организм, и я пропадаю от удушья в страшных муках во цвете лет.

Это, конечно, был шантаж, но я подчинился. Помирать с похмелья только потому, что поленился встать и напиться вволю, было глупо. А посему я, хоть и с трудом, преодолел сопротивление туловища, поставил его на ноги и, шлепая босыми ступнями по полу, направился в кухню.

Включил свет и статуей застыл на пороге, вытаскивая язык из глотки, куда тот провалился от удивления – в кухне, видимо, вчера была война. Война между мною и мной, завершившаяся полным разгромом противника, разбитием примерно половины личного состава бьющейся посуды и полным опрокидыванием на пол небьющейся. Интересно, что обо мне вчера подумал тот падла-сосед снизу? Впрочем, его

проблемы.

У меня хватало своих. Предстояла солидная уборка. Не сейчас, конечно, – сейчас для меня нестерпимой пыткой было простое поднятие руки, – а в будущем. Потому что оставлять на полу разлитый накануне борщ с фасолью было некультурно, хлеб под раковиной – некрасиво, а куски селедки в тапочках – неприлично. Но все это потом, потом...

Я застонал, схватился за голову и, не заходя в кухню – я не дурак и тем более не йог, чтобы босыми пятками по осколкам шарахаться – прошел в ванную. Пить-то все равно хотелось, а поскольку пить приходилось из-под крана, – чайник я вчера благополучно уронил, слава богу, точнехонько в раковину, – то какая разница, где это делать, в кухне или в ванной?

Зато поход туда я использовал на все сто – не только напился от пуза, как верблюд перед марш-броском до ближайшего оазиса, но и голову под струю засунул.

Холодная вода обрушилась на темя, разбилась на брызги, вымочила шею и спину. Я моментально замерз, но зато больше не чувствовал себя семиголовой гидрой. Максимум – Змей Горыныч, поскольку голов оставалось никак не больше трех.

Сорвав с крючка полотенце, я насухо вытер кожу и то странное, что росло у меня в данный момент промеж плеч. Хоть что-то сделано для облегчения самочувствия. Отыскав в стенном шкафу литровую банку, я наполнил ее водой и от-

нес в спальню. Бегать с места на место по первому требованию своего привередливого, хоть и пострадавшего исключительно по моей вине, организма не собирался.

Вновь упав на кровать, я уставился в окно. Что-то мешало нормально радоваться жизни – и похмелье тут было не при чем. Что именно?

Я задумался. Мысли шевелились медленно и ласково. Они не колотились в черепную коробку, а нежно щекотали ее изнутри. Словно глисты, прости, Господи. Так что думать, как ни странно, было приятно.

Сперва я припомнил, что последние три недели под боком у меня ворочалась белая упругая тушка. Женечка. Что ж это получается – я настолько привык спать с ней, что теперь не смогу делать этого в одиночку? Глупости. Я много раз проделывал это, и не собирался останавливаться на достигнутом. Значит, корни дискомфорта росли явно не отсюда, хотя и в этом направлении протянулись один или два.

Тогда в чем дело?

И тут передо мной, как наяву, встала картина. Мрачное осеннее утро. Парк. Такси с распахнутыми дверцами. Ключья белокурого скальпа, плавающие в луже мозгов и крови. Глаз, свисающий на ниточке нерва с пассажирского сиденья. Пионерский галстук, непонятно, отчего больше красный – то ли от своего естественного цвета, то ли от крови. Четыре глаза уже никогда не придет в гараж, не постучит костяшками пальцев в окошко моего такси и не попросит одолжить

пару сотен на залатывание дыр в семейном бюджете. Он уже никогда – никогда? никогда! – не обзовет меня ни телевизором о двух динамиках, ни другой какой гадостью. И никогда больше не влипнет ни в какой хипеш, не купит книгу по истории, которую обожал больше, чем водку. Четыре Глаза со вчерашней ночи мертв. Не более мертв, чем другие покойники. Но и не менее. Просто – мертв. Убит. И если я когда еще и увижу его, то лишь во сне. Прощай, Четырехглазый!

В глазах у меня защипало. Я не удивился – с похмелья делаюсь сентиментален, каюсь. Но в данном случае это было оправданно, да?

Несправедливость? Конечно! Но что сейчас-то можно сделать? Повернуть время вспять было не только не в моих силах, но и не в чьих из живущих. Просто не дано. Время – оно ведь даже не измерение. Так, миф. Выдумка человека. Сюр. Времени вне человека нет. Оно рождается вместе с ним и умирает тоже. И нет ни «до», ни «после». Есть лишь «сейчас», выпасть из которого невозможно. И память – миф. А значит, и наука история, так ценимая Четырехглазым, миф. Кому она, на хрен, нужна, эта история?! Кому нужно знать прошлое, кому нужно знать будущее? Жлобство. Эти знания ничего не изменят, а после смерти знатока станут тем, во что обратился и сам человек – тленом. И можно рвать волосы у себя на заднице, можно до крови обкусывать ногти, можно татуировать на костяшках пальцев «Я люблю Таню», но от этого ничего не изменится. Время как было выдумкой, так

выдумкой и останется.

Я взглянул на часы. Они показывали половину седьмого. Но я не поверил. Времени нет. Есть стрелки, деления, но времени – нет. И ничего не поделаешь. Се ля ви, как сказал один кирпич, разбиваясь о голову одного профессора.

Но кое-что я все-таки сделать мог. Именно для Четырехглазого. Для его неуспокоенной души. Отомстить. Вычислить подонков с кровожадными инстинктами и тягой воплощения их в жизнь, отловить их поодиночке или сразу табуном, и отомстить. Заставить каждого съесть по килограмму соли и после этого целый день не давать пить. Чтобы скрипели суставы, чтобы струя мочи на лету обламывалась, чтобы зрачки кристалликами покрылись!!! Я заскорготал зубами в бессильной злобе.

Как я их выловлю? Допустим, соли я смогу достать хоть целый мешок, но вот как я их выловлю? Вернее – для начала – какими путями я смогу вычислить тех, кого нужно ловить? Ведь нет даже хилой зацепки, самой тоненькой ниточки, за которую можно было бы потянуть. Безнадега, натурально!

Звонок в дверь прозвучал неожиданно. Дело даже не в том, что я никого не ждал в такую рань, а в том, что у друзей как-то отпала привычка проведывать меня с тех пор, как со мной на постоянной основе стали делить постель сперва эта... как ее... Рита, потом Наташа, потом еще одна, потом третья (я не шучу, просто имя распространенное), потом Валечка, Иришка и, наконец, Женечка. Каждая из них счита-

ла делом своей женской чести искоренить мои холостяцкие привычки. В итоге я остался один, поскольку никому из них так и не удалось удовлетворить свое тщеславие. Я по-прежнему приходил домой во сколько хотел и в том состоянии, в каком хотел. Пил воду из носика чайника. Шлялся по спальне в ботинках, не говоря уже о том, что выкинул в окно двух не вовремя подвернувшихся под руку их любовников. Один был совершенно голый, второй успел надеть, почему-то, носки.

В общем, я удивился. Хотя нельзя сказать, что испугался. Тем более что бояться, собственно, не стоило. Визит вряд ли был связан со смертью Четырехглазого, поскольку милиции не в чем было меня заподозрить. Не станут же они всерьез думать, что я готов пришить друга ради бабок. Из-за чего другого – возможно, но в любом случае, причина должна быть куда более веской. А деньги – бумага, сегодня есть, завтра – нет, но мы живем, хотя, конечно, с ними жить веселее. Но мараться?..

Или убийцы. Эти вообще никак не могли связать меня и убитого Четыре Глаза. Ну, опознал, ну и что? Не их же, а труп.

Единственное правдоподобное объяснение моего насто-роженного удивления – соседи снизу, которые могли прийти и призвать меня к ответу за устроенный вчера над их головами погром. Но тогда какого черта они ждали всю ночь? Могли бы прийти сразу и начистить мне лицо, пока я еще на-

ходился в непрезентабельном состоянии, похожий на планктон.

Нет, определенно, бояться мне было нечего.

Звонок повторился. И, пока я, кряхтя, как дед Мазай, перевыполнивший норму по спасению зайцев в четыре с половиной раза, вставал, искал в темноте халат и затягивал на животе его пояс, он прозвенел, коротко и требовательно, еще трижды.

Осторожно, стараясь особо не раскачиваться на ходу, чтобы не тревожить понапрасну больную голову, я прошел в прихожую, щелкнул выключателем и, сощурившись под ударившим в глаза ярким светом дневной лампы, открыл защелку и распахнул дверь.

Оттого, что я был ослеплен, я и не смог оценить сразу всю открывшуюся передо мной картину. А она была следующего содержания. У порога, держась правой рукой за стену, а левой – за ребра, стоял Ян Литовец. Человек, с которым я делил одну на двоих таксерскую «Волгу» и некоторые, возникающие то у меня, то у него, проблемы. Короче, мой сменщик. И я припомнил, что по потолку спальни минуты две-три назад пробежали зайчики автомобильных фар. Я тогда еще слегка удивился – кого занесло в такую рань в наш тихий двор? Но, оказывается, это был всего лишь Ян.

Лицо напарника походило не сказать, чтоб на отбивную, но на палитру художника – точно. На подбородке с левой стороны синел обширный фонарь, все сине было и вокруг

глаз. Нос распух, уши тоже увеличили свои габариты в пару раз и горели ярко-красным пламенем, как и половина лица, не покрытого синевой.

– Ты дома? – язык у него шевелился хреново. Не лучше, чем у меня в тот момент, когда я проснулся. А то и хуже.

– Как видишь, – я осторожно взял его за талию и помог войти. – Идем в спальню. На кухне тараканы забаррикадировались, никак выкурить не могу. И водометы пробовал, и слезоточивый газ. Из гаубицы прямой наводкой бил – ничего не помогает. Может, атомную бомбу сбросить, как думаешь? – я молол чушь, стараясь заговорить его до такой степени, чтобы он забыл о боли. Хоть немного. Как он себя чувствует при такой раскраске, я примерно представлял. Приходилось, знаете ли, испытывать.

– Да заткнись ты, – усмехнулся Ян одними губами. Уже успех. Переставлять ноги, каждый раз преодолевая болевые пороги и при этом растягивать губы в подобие улыбки – половина подвига, не больше и не меньше.

Я провел его до кровати, усадил и пошел в ванную. Намочил под струей холодной воды штуки три полотенца, вернулся и наложил компрессы на те места, которые пострадали больше всего.

– Ну, давай, рассказывай, какой такой Пикассо в кубическом периоде над тобой поработал.

– Какой, к черту, Пикассо, – возразил Ян. – Сплошные передвижники. Черт, больно-то как! – он потрогал ребра. –

Три человека, Мишок. Еле монтировкой отмахался. Хорошо хоть, без ножей и пистолетов были, а то угробили бы, как Четырехглазого.

– Так это те же самые были? – встрепенулся я.

– Откуда я знаю? – вяло ощетинился Ян. – Те или не те.

Главное, совершенно трезвые были. Сели в такси в районе пятого училища, на Королева попросили остановить. И прямо в салоне звезданули по уху.

– Денег требовали?

– Да, пока двое мной занимались, третий кормушку до блеска вычистил. А, вот! Тебе, наверное, это интересно будет, – он помолчал, с задумчивым видом почистил левую ноздрю, потом продолжил: – И не только тебе. Они сказали, что предупреждали нас. Если мы не будем платить с носа по пять процентов, то нам будет хреново. Будут отлавливать по одному, бить или убивать. В общем, рэкет, насколько я понял.

– Вот оно что, – сказал я. Дело было серьезное. Четыре Глаза пал не от рук случайных полудурков, которым вдруг захотелось пощекотать себе нервы. Четыре Глаза стал первой жертвой программы по запугиванию личного состава третьего таксомоторного парка с тем, чтобы он, состав, делился кровно и потно заработанными копейками. В том, что его смерть – предупреждение всем нам, сомневаться не приходилось. После того, что поведал Литовец-то.

Но, по большому счету, мне-то какое дело, что таксистов

нагружают на бабки какие-то беспредельные ребята? Стараниями Макареца я работаю в данном заведении последние дни, а потом уйду в отставку. И вряд ли меня успеет коснуться этот пятипроцентный налог в пользу местной мафии. А если братьям-таксистам – Яну, Генахе Кавалеристу, Рамсу – это не по нраву, то пусть они разбираются сами. Я же, как школьник перед завтраком, могу с чистой совестью умыть руки.

Могу, но захочу ли? Было одно «но», которое ставило под большой вопрос все эти похмельные умозаключения. Они все были мои друзья – и Генаха, и Рамс, и Ян, – и я съел с ними не один и даже не полтора пуда соли. Я, прямо скажем, жрал ее мешками, пока работал таксистом. А они всегда были рядом, готовые подставить грудь, плечо или другую часть тела, чтобы помочь мне. И тот факт, что я, с моим характером, до сих пор цел и, по большому счету, невредим (зубы не в счет), лучше всего говорит о том, что я не могу стать подлецом и сделать шаг в сторону, когда над головами моих друзей зависла непонятная хренотень, готовая в любой момент рухнуть и превратить их головы в то, во что была превращена голова Четыре Глаза.

Кстати, о нем. Оставить его смерть без последствий я тоже не мог. Это уже было делом моей чести. Я буду плохо спать, редко кушать и через раз ходить в туалет, если не отомщу. Только это не были проблемы Яна или Генахи, потому что они не заглядывали в салон такси с номерным знаком 33–

69 ВРФ ранним вчерашним утром и не видели картины конца света кисти неизвестного художника, где материалом была голова Четырехглазого. А я заглядывал. И я видел. И во мне родилось навязчивое желание уничтожить автора этого памятника мировой живописи, пока он не написал продолжение.

– А с кем они говорили о пяти процентах? – попытался уточнить я.

– Да откуда я знаю? – устало вздохнул Ян. – Мне, честно говоря, не до того было. Не спрашивал. Отбился монтировкой и убежал. Часа два в каком-то подвале просидел, возвращаться не хотел. Думал, ждут. Думал, машину угробят.

– Не угробили бы, – возразил я. – Резону нет, натурально. Ты же на ней бабки зарабатываешь, а они надеются в долю войти.

– Не подумал, – согласился Ян. Потом пораскинул мозгами и сказал: – Я вот к тебе по какому делу, Мишок. Ты видишь, что они со мной сделали? Жуть. Я не хочу домой в таком виде идти. Там ведь жена, дети. Перепугаю их, к чертовой матери, до икоты. Можно мне у тебя отсидеться?

– Можно-то можно, – задумчиво кивнул я. – Только вот сколько ты тут сидеть собираешься? Пока синяки не пройдут? Так это, милый мой, неделя – минимум. Как думаешь, что твоя жена скажет? А я сразу могу доложить: ушел к другой. А что ей, глупой бабе, еще остается думать, когда целую неделю о благоверном ни одной весточки?

– Ну, позвонить можно, предупредить, – нерешительно проговорил он.

– Чушь, – отрезал я. – Допустим, позвонишь ты ей – и что скажешь? Дорогая, я уезжаю в командировку? Она ведь у тебя не дура, знает, что у таксистов командировки случаются так же часто, как у осла – веснушки. Или ты скажешь правду – что останешься на неделю у меня? Она – высоси мне глаз, если это не так – опять-таки решит, что ты завел себе любовницу, а я предоставил вам квадрат. Потому что для нее это будет самое простое и логичное объяснение твоего исчезновения. И тогда она придет сюда и разнесет к чертям собачьим все мое жилище. Картина, уверяю, будет не из самых веселых.

– Тогда что мне делать? – убито выдохнул Ян.

Вот этим даром убеждения я сам себе и нравлюсь, причем с каждым годом все больше. У меня нет ни одного знакомого, которого я хоть когда-нибудь хоть в чем-нибудь не убедил. Хотя бы ради спортивного интереса. Хобби называется.

– Проще всего поехать домой, – подсказал я.

– И что я там скажу?

– Что тебя каток с дорогой перепутал. Или что с Земли свалился, потому что она круглая и мокрая. В общем, соври что-нибудь. Хотя можешь и правду сказать. Но учти – это чревато. Рискуешь больше не выйти на работу – жена не пустит.

– А синяки?

– Что синяки? Синяки при тебе останутся, кому они, на хрен, нужны.

– Я не про то. Дома же перепугаются до смерти.

– Послушай, Ян, – попытался вразумить я его. – Они испугаются синяков. Но это ненадолго – через пару часов привыкнут. А вот если ты на неделю зависнешь у меня, то их испуг будет длиться ровно неделю. Овчинка выделки, сам понимаешь, не стоит.

Литовец был не совсем согласен со мной, а может, даже совсем не согласен, это я по глазам видел. Но мое медоточивое красноречие, как Ниагара, способно убедить кого угодно. И Ян не устоял. Он тяжело вздохнул, подержался за щеку, проверяя – на месте ли, нет, – и промямлил с видом приговоренного:

– Наверное, ты прав. Все-таки баба. Ревнует и все такое. Поди, объясни ей. Хорошо, я поеду. Только чуть в себя приду. Но с этими гадами надо что-то делать, а то ведь они половину таксопарка замордуют.

– Запросто, – согласно кивнул я. – Какие у тебя по этому поводу будут предложения?

– Какие, на хрен, предложения? – удивился Ян. Вот так всегда: языком трепать – все мастера, и каждый норовит обругать окружающее. А как дело доходит до программы действий, оказывается, что ее-то и нету. Больше того – девяносто процентов о таком понятии вообще в первый раз в жизни слышит.

– Но ведь делать что-то надо, я прав? – поинтересовался я.

– Ну... Наверное, – протянул Ян. – Я в этой области не силен. Обычно ты общественность на уши ставил из-за своей активности, тебе и карты в руки.

Я крикнул и покраснел от незаслуженной похвалы. Оно, конечно, бывало всякое, в том числе и такое, о чем Ян толкует. Только в тех заварушках, хипешах и разборках разных масштабов Литовец был ничуть не менее активен, чем я.

– Ты, Ян, не дело говоришь, а чушь порешь, – сказал я наконец. – Если пожелаешь, могу даже объяснить, почему.

– Ну, объясни, – кивнул он. – Пожелаю.

– Пожалуйста, – я тоже кивнул. – Чушь – потому что это дело больше ваше – твое, Генахи, других – чем мое. Я через полторы недели уже не буду занимать место в вашем плотном дружеском строю. Тебе Макарец не сообщал? Меня увольняют.

– Ну и что? – озадаченно проговорил Ян. – За полторы недели всякое может случиться. Где гарантия, что и ты под их пресс не попадешь? Всякое может быть.

– Может, – не стал возражать я. – Только из этого правила есть целая куча исключений, которые это правило подтверждают. К примеру, я не буду болтаться по городу на машине эту неделю. Просто поставлю ее под своими окнами, а сам буду лежать вот на этой шконке и плевать в потолок. Согласись, что при таком раскладе эти шлимазлы вряд ли до меня доберутся.

– Так будет нечестно, – убито промямлил Ян. Более идиотского аргумента он найти не смог.

– Почему нечестно? – меня начало захватывать раздражение. Сказывалось похмелье и нервозность последних дней. – Береженого бог бережет, слышал такую поговорку? А я тоже человек. У меня, как и у других, тоже имеются инстинкты. К примеру, инстинкт самосохранения. Я – ты не поверишь – тоже жить хочу. Чем дольше, тем лучше. По возможности, спокойнее. А для этого все средства хороши, не находишь? И почему в таком случае я должен рвать на заднице волосы, как незабвенный генералиссимус Суворов, разрабатывая стратегию и тактику войны с рэкетирами, а вы в это время будете сидеть и считать на небе звезды, ожидая, пока вам скажут, что надо делать?

Я окончательно разозлился, хотя, если честно, и сам не понимал, из-за чего. Но наговорил целую кучу гадостей, которые здорово пахивали демагогией и которые я в любое другое время сказать бы не захотел. Потому что это была неправда. И я это понимал, как понимал и то, что не прав, выплескивая свое раздражение на Яна. Я-то понимал, а он вот не захотел. Обиделся. И, наверное, правильно сделал. Сдернул с головы мокрые полотенца, отшвырнул их куда-то в угол и удивленно-озлобленно посмотрел на меня:

– Ну, ты, Мишок, даешь. Чего угодно от тебя ожидал, только не таких речей. Стареешь, наверное. Говном становишься. Себя ради себя бережешь. Ну, ладно. Охраняй уют

в доме, а я поеду. Что-то стремно мне стало у тебя в гостях. Засиделся, видать.

Встал и пошел к выходу. А я сидел и смотрел ему вслед. На душе было пусто, как на дне бутылки, которую выпили две недели назад. Конечно, он прав. Конечно, я неправ. Но тут же я поймал себя на том, что, в принципе, сам хочу, чтобы он ушел. Потому как после того, что он сообщил мне, у меня родилось некое подобие плана. Родилось сразу же. Просто тогда, после родов, я этого не сообразил. Зато сообразил сейчас. План был. И воплощать его в жизнь я собирался один. Почему-то мне так хотелось. А Литовец пусть ничего о нем не знает. И все прочие – тоже.

Ян недолго возился в прихожей. Видать, не кривил душой, сообщая, что ему неприятно сидеть у меня в гостях. Быстро натянул куртку, завязал узлами шнуры на ботинках и вышел, хлопнув дверью так, что соседи обошлись без будильника.

А мне в голову вдруг пришла интересная мысль. Бардак в стране длится уже лет десять, и наш город – не исключение. Криминал расцвел тут пышным цветом, авторитеты резали себе подобным глотки в прямом и переносном смысле, делили сферы влияния и старались, как могли, нагадить друг другу. Например, расстрелять из ручного противотанкового гранатомета супермаркет конкурента. Желательно, в центре города, чтоб эффект был задушевней. Это стильно. Это модно. Про ларьки и киоски я уж вообще молчу – они пылали пачками, так что продавцы в конце концов устроили

забастовку, требуя доплаты за риск. Самое интересное, что им уступили.

Но все эти годы рэкет обходил стороной таксопарки. За весь автотранспорт не скажу – просто не знаю, – но, что касается таксистов, то у них, на общем фоне, жизнь выглядела довольно спокойной. Во всяком случае, я ни о чем подобном раньше не слыхал. Пару раз, правда, случались убийства, но ведь таксистов убивали всегда. Из-за великого соблазна кажущейся легкости добычи. Только это были обычные ограбления. Под такое же пытались замаскировать случай с Четырехглазым. А рэкета – не было!

Несколько лет назад я поимел сомнительное удовольствие познакомиться с неким деятелем, Сашей Романовым по прозвищу Желтый. Он, помимо прочего, носил гордое звание неофициального короля рэкета городского масштаба. Нет, он не крышевал всех и вся. Он просто имел свой процент с группировок, промышлявшим чистым рэкетом. И имел на эти группировки серьезное влияние. Такое знакомство сейчас бы мне очень пригодилось. Кому, как не Желтому, знать, кто собирается обложить данью новый объект?

Но дело в том, что Саша Романов безвременно покинул этот мир, когда у него на скорости в сто пятьдесят км/ч открутилось и поехало по своим колесным делам правое переднее колесо. Разукомплектованного Желтого, плюясь, долго выковыривали из груды покореженного металлолома спасатели. Потом поползли слухи, что колесо отвинтилось не са-

мо по себе. Мол, не может быть у простого колеса никаких личных дел. Дескать, кто-то ему подсобил. Очень похоже на правду, потому что Саша уже предпринимал несколько не вполне удачных попыток склеить ласты. И все время помимо своей воли. А один раз даже не без моего деятельного участия. Но упорные врачи никак не желали отпускать его в мир иной. Демонстрировали чудеса профессионализма, но к жизни таки возвращали. До поры, до времени. Впрочем, неважно.

Важно другое. Будь Желтый в живых и при прежней должности, я бы нашел к нему подход. И выведал, кто и что стоит за смертью моего друга. И – никаких проблем в осуществлении плана мести.

Только Желтого давно не было. А кто сейчас исполняет его обязанности, я не знал. Более того – я не знал, есть ли вообще такой человек и такая должность. Все-таки ракет изрядно эволюционировал за последние годы... А если такой человек и есть, то кто он? с чем его едят? какой у него характер?

Знание таких тонкостей весьма и весьма помогло бы при осуществлении придуманного плана. Но план был, а знаний не было. И это значило, что мне предстоит добыть их собственным горбом. Что ж, не привыкать. Оставалось только дожидаться, когда придет мой черед садиться за баранку машины с девятью кубиками на дверцах и колесить по городу в поисках придурков, согласных променять свои деньги на

мои километры. Обладание такси было главнейшей частью начальной стадии моего плана. Но до этого момента было еще несколько часов.

Глава 3

Литовец, судя по всему, осерчал на меня изрядно. Настолько, что мне, похмельному, пришлось добираться до гаража – на предмет принять смену – своим ходом. Занятие, между нами говоря, непривычное, тем более, что тело все еще слушалось меня не вполне. Тем не менее с задачей я справился, потому что человек ответственный и во всех отношениях достойный, и в гараж вошел, имея в запасе еще целых десять минут до начала смены.

И сразу понял, что даже недооценил степень обиды Яна. Коллеги встретили меня с арктической, не совру, прохладцей. Исходя из того, что обычно Литовец болтливостью не отличается, я сделал вывод, что утренний разговор зацепил его настолько, что он счел для себя возможным передать содержание одного другим таксерам. То есть, больше, чем до глубины души.

Хотя существовала вероятность, что наябедничал он и не по своей инициативе. Возможно, когда двенадцать часов назад ставил машину в гараж, кто-то из парней спросил его обо мне. И Ян, будучи в расстроенных чувствах, послал меня, допустим, в Катманду. А за таким ответом неизбежно должен был последовать шквал вопросов – потому что все знали, что мы с Литовцем те самые две руки, которые друг дружку моют. А рукам не пристало лаяться промеж собой, тем более

матерно. Ну, и Ян выложил им все.

Только это было уже из области предположений, а потому не важно. Важным было то, что со мной никто даже не поздоровался. Скажу больше – никто и не посмотрел на меня. Так что я не видел, что таится в их глазах – презрение или какое другое, не менее искреннее, чувство. Смотрели куда угодно, только не в мою сторону. Например, в выхлопную трубу автомобиля, куда, стоило мне войти, уставился механик Вахиб.

Пересечься взглядами – и то на считанные секунды – удалось лишь с Генахой Кавалеристом. А потом и он отвернулся. Предварительно плюнув себе под ноги. Подразумевалось, разумеется, что там лежу я. Даже Рамс, уж на что был затуркан бытовыми невзгодами и прочими неприятностями, при моем появлении поднялся с пола, где сидел, перебирая инструмент, и залез под открытую крышку капота, встав в позицию «раком». Причем его толстая задница постоянно целилась в меня. То есть, лучшего собеседника я не заслуживал. Нет, определенно – утренний разговор дошел до них.

Впрочем, я не расстроился. Приступ эгоизма захватывал меня все сильнее. Мне никто был не нужен. Я должен действовать в одиночку. Я так хотел. Пусть они все воротят от меня морды, это даже лучше. Никто не станет приставать с глупыми вопросами, на которые я должен буду искать не менее глупые ответы. А мне хотелось ощутить себя волком-одиночкой, выходящим на охоту или, на худой ко-

нец, последним из могикан, который отрыл закопанный давным-давно топор войны, счистил с него ржавь и встал на тропу неприятностей, где его ждали скальпы не в меру расплодившихся за последние годы бледнолицых. Хау!

Сделав такое же каменное лицо, как у всех присутствующих, я протопал по бетонному полу к Макарецу и сказал:

– Тут меня без меня еще не уволили? Мне можно заступать?

Макарец – сволочь какая! – тоже не посмотрел мне в глаза. Просто вытянул руку куда-то в неопределенность и буркнул:

– Журнал на столе. Распишись и езжай.

И пошел, гад. Якобы по своим делам. Только никаких неотложных дел, окромя как встречать и провожать таксеров с линии и на линию у него в восемь вечера не было и быть уже не могло, я это прекрасно знал. И он прекрасно знал, что я это знаю, но это тоже был своего рода бойкот мне. Так что он вовсе гордился собой, думая, что поступает правильно и чувствуя, что, пожалуй, впервые солидарен с коллективом.

Я не стал лить горючие слезы по поводу предъявленного мне общественного «фи». Я прошел к рабочему столу Макареца, где действительно лежал журнал, поставил в нужном месте подпись и направился к машине.

У Яна, слава богу, хватило ума не делать заподляны в виде сахара-песка в карбюраторе, на что он был вполне способен при его отношении к предателям. А я в его глазах как

раз и выглядел предателем, так что сахар-песок – не шутка. Скорее всего, Литовца остановило соображение, что через сутки рулевым этой «Волги» станет он сам.

В общем, я довольно спокойно выехал за ворота, сохраняя на лице все то же каменное, как у роденовского Мыслителя, выражение лица и провожаемый тишиной, которая грохотала сама в себе нецензурщиной. Вчерашние друзья теперь напутствовали меня взглядами, под ударами которых в течение пяти минут рассыпались бы все египетские пирамиды. И сфинкс за компанию.

А вот я не рассыпался. Даже не потрескался. Я покинул гараж если и не в хорошем настроении, то уж, во всяком случае, более обнадеживающем, чем вчера. Потому что мне предстояла Охота. А я человек азартный. Начну играть в рулетку – и буду играть до тех пор, пока последние трусы покойного дяди не проиграю. Либо крупье не свихнется. Либо сама рулетка у основания не обломается. Вот какой я азартный! Так что дичи, которую я сегодня должен начать ловить на манка, можно было не завидовать. Хотя бы потому, что приманкой был я сам.

По большому счету, решение стоящей передо мной задачи вычислялось несложно. Действие первое: кто-то садится в салон к Четырехглазому и бьет его чем-то по голове. Действие второе: кто-то проделывает то же самое с Яном, и тоже в салоне. Не важно, кто. Не важно, чем. Важно – когда. Ночью. Это и есть ответ на первый вопрос моей контрольной.

Они работают ночью. Садятся в пойманное такси – и работают. Тому, над кем они работают, потом становится плохо. Но я не переживал. Под мышкой у меня висела маленькая-маленькая кобура с «Браунингом» внутри. Пистолет я раздобыл по случаю, когда меня вот так же, посреди ночи, хотел раскулачить безусый юнец с кавказским акцентом. Акцент я ему слегка попортил монтировкой, а пистолет отобрал: все-таки не игрушка, чтобы дети им баловались.

Хотя, конечно, это еще как сказать. Калибр 6.35, шесть зарядов. Малютка. Фактически, все же игрушка. Метров с десяти из него уже фиг попадешь, а с двадцати пяти, даже попав, – фиг убьешь. Но мне это и не требовалось. Я сидел не за штурвалом авиалайнера. В салон моей старушки-«Волги» при всем желании нельзя было вместить десять метров. Тем более – двадцать пять. Да и, откровенно говоря, я рассчитывал на «Браунинг» скорее как на психологическую поддержку. Ян же сказал, что ребята попытались обработать его голыми руками. И я не видел причин, чтобы они меняли стиль работы. В таком случае у меня, вооруженного, появится столько преимуществ перед ними, безоружными, сколько имеет удав перед кроликом. Даже больше.

Я не вертел головой, разъезжая по городу. Я давно уже вышел из того возраста, когда наивно веришь, что те, с кем ищут встречи, попадают на первом же углу. На самом деле – я в этом убедился – зверь на ловца бежит крайне редко. А чтобы вот так, сразу – это вообще нужно иметь дикое ве-

зение.

Относительно своей счастливой звезды я никаких иллюзий не питал. Звезда как звезда. Счастливая, но не очень. Обычная такая. Хотя некоторые мне и завидовали. И я просто решил, что надо быть готовым ко всякому, а пока еще это «всякое» не случилось – работать, как обычно.

Зато как-то сразу стало заметно, что в большом ночном городе я не единственный охотник. Далеко не единственный. На углу Ботанического сада и Большой Варяжской кучковались проститутки. Дешевенькие шлюшки, однако тоже охотницы. Где-то в районе улицы имени юбилея ВЛКСМ два комсомольца взламывали гараж. При моем появлении они прыснули в разные стороны и растворились в темноте. Этим охотникам не повезло.

Впрочем, хищники в ночном городе – не редкость. Когда же им еще и выходить-то, как не в темное время суток? Потому что днем по этим самым улицам снуют обычные граждане, таскают с собой за ручку сынишек и дочурок, при которых охотиться как-то неприлично. Папы и мамы будут тыкать пальцем и говорить: «Ось, гляди, лялька, кака нехороша тетка (дядька) – бяку делает». Стыдуха, в общем. Вот и выходят они, когда стемнеет и когда застать их за неблагоприятным занятием могут только кошки да менты.

В районе кинотеатра «Сибирь» стояли, с трудом удерживаясь на тротуаре, трое в кожаных куртках. Голосовали. Это было уже кое что. Компания вполне могла оказаться охот-

никами на таксеров. Хотя сомнения были – вряд ли те станут напиваться в дымину перед столь ответственным делом. Тем более после относительно неудачной попытки обработать вчера ночью Яна. Однако такси к обочине я прижал. Кто их разберет – может, они просто гениальные артисты (хором), и всего лишь разыгрывают спектакль, а сами трезвехоньки.

Но троица оказалась пьяной не понарошку, а очень даже по-взрослому. Когда они оккупировали салон, воздух наполнился перегаром такой крепости, что я автоматически полез в бардачок в поисках закуски. Но быстро одумался и одернул руку, решив, что, если и надышусь до одури, после чего буду остановлен гаишниками, то легко свалю вину за свой конфуз на совершенно никаких пассажиров. Пусть выпутываются, как хотят. Нечего мне атмосферу в салоне портить.

– До Тимошенки довезешь, командир? – лениво бросил один из кожаных – тот, что уселся рядом. То ли он был за спонсора, то ли просто речь держал, поскольку находился ближе всех – не знаю. Но, взглянув в зеркало заднего вида, увидел, что оба его дружка уже спят. И решил, что вопрос этот не суть важный.

– Четвертной, – назвал я сумму.

– Попрет, – кивнул кожаный. Ему было плевать, что я накинул десятку сверх обычной таксы. Босота сегодня гуляла.

Все-таки не те. Я довез их до улицы имени маршала Тимошенко, высадил и поехал обратно. У меня были иные ин-

тересы, и трое в кожаных куртках никак в них не вписывались. У этих была другая тусовка. Поэтому я развернулся и поехал туда, где, со слов Яна, он подобрал свою троицу вчера. То есть к пятому училищу.

Конечно, надеяться найти их там же сегодня было по меньшей мере глупо. Вряд ли они рискнут стартовать с одного места два раза подряд. Это было бы верхом наглости. А вдруг убежавший Литовец собрал братву и притаился за соседним углом? Ну, просто отомстить желает. Бывает же такое. По себе знаю.

Но наглости у них хватило – они стояли на углу училища. Трое в кожнаах, похожие на тех, кого я подвозил только что, как две капли. Единственное отличие – теперешние были на порядок трезвее.

Я, конечно, еще не знал наверняка, что ищу именно их, но стоило мне увидеть маленький, но дружный коллектив, как сердце учащенно забилося, глаза заблестели, губы присохли к зубам, а пистолет заворочался в кобуре, стараясь выскочить наружу и навести панику в стане противника.

Постаравшись взять себя в руки и добившись в этом деле неплохих результатов, я подкатил к ним и остановился.

Эти трое поступили точно как и те, что были до них: двое уселись на заднее сиденье, один – впереди, рядом со мной. Совпадение было занимательным и напоминало сдачу спектакля и следующую за ней, как и положено в порядочном театре, премьеру. Но я не стал заострять на этом внимание.

– До Королева подкинешь? – спросил тот, что сидел рядом. Это становилось все более интересным.

– Двадцать, – сказал я и он кивнул. Порядок. Поехали.

Все – ну, буквально! – как вчера. Те же трое хуцпанов сели в одинаково глухую темную ночь в то же самое такси. (Вот интересно – они что, номерных знаков не заметили? Или им было плевать?). И попросили провезти их из того же пункта А в тот же пункт Б. Различие было только в одном: за баранкой сидел не безоружный, не ожидающий никакого подвоха Литовец, а вполне вооруженный и готовый ко всяким неожиданностям я.

– Как бизнес, братан? – сидевший рядом нарушил молчание лишь после того, как машина намотала на колеса примерно полтора километра дороги.

– Да какой, ночью может быть бизнес, натурально? – вздохнул я. – Не видно же ни хрена.

И, засунув руку за пазуху, сделал вид, что чешу ребра. А пальцы тем временем вытаскивали в более удобную позицию рукоятку «Браунинга». Быть готовым – это не только пионерские салюты направо и налево раздавать.

А хуцпан, сидевший рядом со мной, не отставал. Переварив сказанное, – хотя сделать это было не так просто, поскольку я всыпал в его уши пригоршню никуда не годной хренотени, – он задал еще один вопрос, куда более интересующий его самого и напарников, чем предыдущий:

– А по бабкам как? Нехилые рубишь?

– Чего? – я сделал вид, что тупой, как паровоз и кроме железной дороги вообще ничего хорошего в жизни не видел. Какие такие бабки-дедки? Ничего не знаю, я состав доставляю.

– «Чего»! – передразнил кожаный. – Бабки, вот чего.

– А чего бабки? – еще больше поглупел я. – Бумажные они. Редко кто металлом платит.

– Да хрен с ними, что бумажные! – взорвался парень. – Сколько, говорю, косишь за смену?!

– А ты что, поделить хочешь? – поинтересовался я. – На двоих или на четверых?

– Слушай, ты дурак, что ли? – наконец догадался спросить он. – Давно из психушки? Да мы, если захотим, тебя вообще из доли выкинем.

– Кроме шуток? – перепугался я. – А чем я деток кормить буду?

– Мухами. Хочешь попробовать?

Мне таки удалось их завести. Уж лучше так, чем, вцепившись в баранку обеими руками, ждать начала представления. Черт знает, что у них на уме. Может, решат сразу оглушить. Тюкнут по темени, и мне мой пистолет фирмы известного бельгийского конструктора поможет, как мертвому – валокордин.

– А вы наглые, – усмехнулся я.

– Популярнее, – потребовал кто-то из-за моей спины.

– Пожалуйста, – я не стал упорствовать. – Вы даже место

не сменили. Ждали меня там же, где вчера – моего сменщика. Хоть бы прикид поменяли. И чтобы да – так нет. Я вас сразу вычислил, как по фотокарточке.

И все-таки их атака стала для меня в какой-то мере неожиданной. Наверное, виновата темнота в салоне. Это она не дала разглядеть медленных движений одного из сидевших на заднем сиденье. В зеркале заднего вида бледнели только пятна лиц. А хуцпан в это время неторопливо вынимал то ли монтировку, то ли другую какую железяку. Но в последний момент, когда все слова уже покинули мой бойкий рот, я сумел прихватить взглядом взрыв эмоций за спиной и автоматически пригнулся, сунув руку под куртку и хватая мертвой хваткой заждавшийся общения накоротке пистолет.

Монтировка внушительно опустилась на подголовник, попортив его привычную форму. Но моей головы там, слава богу, уже не было, так что обошлось без сотрясения мозга.

Только все равно мне это не очень помогло. Сидевший на пассажирском сиденье мишугенер навалился сверху и принялся с увлечением кататься у меня на спине, стремясь втрамбовать мою не самую компактную тушку в отсек для ног, который, между нами, девочками, говоря, придумывали совсем не для этого.

Надо отдать ему должное – своей цели он почти добился. Наверное, потому что был очень тяжелый. Меня скрючило сильнее, чем эмбриона в утробе матери. Голова находилась где-то в районе пяток, ляжки почти напрочь выдавили кис-

лород из легких. Поясницу разрывало надвое. Я не гимнаст, и мне было слегка не по себе.

Почему-то захотелось что-то срочно изменить в своей жизни. Совсем не к этому я стремился в детстве, понимаете? Несolidно как-то я смотрелся. Даже в собственных глазах.

Как именно изменять – пришлось соображать на ходу. Одно сразу стало ясно – без крови не обойтись. И кровь полилась. Пушку-то я успел схватить. Оставалось только переместить ее в позицию, из которой можно вести огонь по противнику, а не по чему придется. С горем пополам, но мне удалось проделать это. Субъект, продолжавший с неприличным упоением кататься по моей спине, даже не заметил, что роли переменились. Теперь, фигурально, я был на высоте. А ему, получается, уже ничего не светило.

Потому что я пристроил ствол в район его желудка и надавил на спуск. Какая, на хрен, разница – калибр 7.45 или 6.35, когда стреляешь в упор? Парниша, во всяком случае, разницы не ощутил. Кишки на пулю ему намотало так же, как если бы я выстрелил из карабина.

И он неожиданно расхотел делать из меня бульонный кубик. Откинулся к дверце, вытаращил удивленные глаза, схватился за живот руками и принялся ловить ртом воздух. У него больше не было никаких желаний. Кроме одного – понять, что за чертовщина вдруг приключилась с его кишками.

Пока он ломал голову над этим вопросом, я взял быка за

рога, выпрямился, встряхнулся, как пес после помывки, повернулся к его партнерам и продемонстрировал им свое огнестрельное преимущество. Они согласились, что это веская причина успокоиться и не стали предпринимать новых попыток нанести вред моему здоровью. Это было весьма кстати и, чтобы продемонстрировать им всю степень своей признательности, я сказал:

– Ну что, правоверные? Теперь, я так думаю, можно и поговорить. Только надо решить, с какой темы начать. Предложения будут?

Предложений не было. Оба хуцпана, словно сговорившись, забились в черноту, чтобы я не мог видеть выражения их лиц, и только по-совиному лупали глазами. Луп-луп. Луп-луп. Так забавно. Я чуть не расхохотался. Наверное, нервное. Но, взглянув на раненного, который по-прежнему жадно хлебал воздух ртом, смеяться раздумал.

– В общем, от вас никаких предложений не поступает. Полагаю, я вас правильно понял. Тогда предложение поступит от меня. В следующем виде. Диктую по слогам, поскольку не вижу в аудитории умных лиц. Записывайте.

Не знаю, дошел ли до них смысл моей речи. Никакой реакции, во всяком случае, я не увидел. Ни ручек, ни блокнотов. Тупые какие-то. Я мог продолжать говорить или заткнуться в тряпочку – результат будет тот же самый. Нужно было переходить к делу, причем желательно – продемонстрировав для начала, что шутить никто не собирается. Настроение не

то. Неподходящее.

Поэтому я протянул между спинками сидений свободную руку и сжал ей одно из четырех предоставленных на выбор колен. Пальцами под чашечкой. Владелец сустава заскрежетал зубами от боли, а я поинтересовался:

– На кого работаете, братушки? Предупреждаю сразу: отвечать по возможности быстро. Правду желательно говорить с первого раза. У меня от вранья делается нервное расстройство желудка и я три дня по большому жидко хожу. На один «мезим» вкальваю. Накладно. Короче. Совсем коротко. Ответ.

Ребята на заднем сиденье оказались, однако, упертыми. Мои проникновенные слова так и не сумели залезть к ним в мозг, пролетели мимо и умчались в неизвестном направлении. А парни не только не торопились с ответом, но и сказали в конце концов совсем не то, о чем я спрашивал.

– Пойди, головой о тротуар постучись, – предложил один из них. Тот, что сидел справа. Секунд через десять.

Я уставился на него в превеликом удивлении. Хамит, падла, прямо в лицо. Четыре Глаза мертв, и убили его, скорее всего, именно эти трое. Никакой справедливости – он мертв, а его убийцы живы. Причем живы до такой степени, что позволяют себе грубо разговаривать со мной. Непорядок.

Потом пришла еще одна мысль – совершенное логическое продолжение предыдущей. А не выстрелить ли мне в голову этому герою, который сидит в моей машине под прицелом

моего пистолета и крошит на меня бублики? Это было бы по совести. Ведь не убийство – отмщение. Кровь за кровь. Жизнь за жизнь. За все надо платить. Правда, первый камень в фундамент храма мести я уже заложил, прострелив сидевшего на соседнем сиденье. Но ведь тот остался жив, а значит, и камень, заложенный мной, был не ахти. Не камень, а так себе. Камушек. Вот пристрели я сейчас того, что хамил, и будет совсем другое дело.

Я повел дулом пистолета в его сторону. Он сам выбрал вампум, на котором суждено болтаться его скальпу. Ничего не поделаешь. Во всяком случае, отговаривать я его не собирался.

Но парень неожиданно сник. Ему не хотелось умирать во цвете лет, когда кровь еще бурлит в жилах и целые племена женщин остались неиспорченными. А потому, когда ствол пистолета поравнялся с его головой, быстро выпалил:

– Ладно, уговорил. Я скажу, на кого мы работаем. Только волыну убери. Успокойся, – и, видя, что я не собираюсь выполнять его идиотские требования, расколосился полностью: – На Камену мы работаем.

Я задумался, пытаюсь профильтровать полученную информацию. Камену я знал. Вернее, слышал о нем. Лев Каминский. Когда-то он был председателем областного комитета профсоюзов. Потом его по каким-то непонятным сообщениям перекинули командовать молокозаводом, где он и обретался по сию пору. Вот уже лет десять, как минимум.

Говаривали, что у него нелады с налоговыми службами. Фиг его знает. Еще шептались, что он крепко завязан на криминале. Я, однако, эту информацию не проверял и проверять не собирался. Хотя бы по той простой причине, что до сегодняшнего дня меня его поведение не касалось. Но вот – коснулось. Если, конечно, хуцпан сказал правду. На слово я ему верить не собирался, но все равно. Очень может быть, что их действиями руководил именно Камена. Почему нет?

– А какого-такого ему надо от таксистов? – все же уточнил я, резонно рассудив, что за каждым действием должны стоять свои причины.

– Бабки, – правый удивленно вытаращился на меня. Действительно, как можно не понять такую простую вещь? Что еще можно взять с таксиста, кроме бабок и вчерашних вонючих носков? – Вас же пока никто не крышует. Долю вы никому не отстегиваете. Вот он и решил, что пора начинать.

– И ради этого вы грохнули Четырехглазого? – мои очи недобро сузились.

– Кого?

Не его вина, что он не понял вопроса. Откуда ему знать прозвище убитого им человека? Но по носу я ему все равно дал. Мне было неудобно, поскольку расстояние было приличным, но я дотянулся. И попал.

Удар вышел не особенно сильным, но довольно болезненным. Нос – не груша, а очень чувствительный прибор. Даже в темноте было видно, как заслезились глаза у паренька. Про-

филактика: он понял, что это только начало и сразу поумнел:

– Мы же хотели по-хорошему! Мы сперва ваших предупредили словами. Я, что ли, виноват, что они нас на хрен послали?! Вот Камена и сказал, что нужно братья покруче. Показать, что мы не шутим.

– Я тоже не шучу, – задумчиво сказал я. – Какие уж тут шутки, натурально. А скажите мне вот что. Кто именно убивал Четырехглазого? Кто, так сказать, исполнитель?

– Мы не знаем. Нам не докладывали.

Это впервые подал голос тот, что сидел слева. Густой – куда там Шаляпину – бас. В машине аж стекла затряслись, а меня чуть не пришибло звуковой волной. Впрочем, голос вполне соответствовал быковатой внешности хозяина. Я набрал было воздуха в легкие, чтобы возразить: мол, чушь собачья. Кому ж еще знать, как не вам?

Но сбоку то ли умер, то ли ушел в глубокий нокаут раненный. Он что-то пару раз булькнул горлом и, враз обмягчев, стек на пол. Лениво, как сползает сопля по стене. Я скосил глаза в его сторону, но оставлять двух его корешков без присмотра не решился. Как бы чего не выкинули. С них станется.

И все равно наша беседа на этом завершилась. Хотя они-то как раз ничего не выкинули. Сидели себе, как сидели. Лупали в темноте глазами, сопели в свои четыре дырочки и никаких поползновений на мою священную – по крайней мере, в моих глазах – особу не предпринимали. Они, по секрету

скажу, кажется, даже пальцем не пошевелили.

Пошевелил кто-то другой. И совсем не пальцем, если судить по тому, что лобовуха за моей спиной под мощным ударом покрылась миллионами трещин и трещинок, прогнулась вовнутрь и стала похожа на старую, загаженную мухами и тараканами паутину.

Кто, чем и по какому праву изувечил лобовое стекло машины, я так и не понял. Откуда этот кто-то взялся, я тоже не понял. Возможно, у кого-то из троицы была мобила, с которой он и подал сигнал бедствия. Братки все-таки, могли позволить себе такую роскошь. Единственное, что я понял – это то, что ничего подобного не ожидал. А дальше я растерялся и начал делать глупости. Отвернулся от своих пленников, выпустил их из виду и оставил незащищенной спину. При этом так и не увидел, кто напал снаружи. Разглядеть что-либо сквозь изувеченную лобовуху оказалось нереально.

На мое счастье, оба типа оказались, мягко говоря, туповатыми. Они не воспользовались представившейся возможностью раскроить мне череп. Просто открыли дверцы и вывалились наружу – в разные стороны, как горох. Может быть, не захотели связываться с пистолетом. С одной стороны, наверное, правильно. Но с другой – калибр у меня был мелковат против massированной атаки.

Но парнишки просто выбросились за борт, что твои матросы во время аврала. На лобовуху еще раз что-то опустили, и она окончательно потеряла всякое подобие формы. И тут

я совершил еще одну, наверное, главную за эту ночь, ошибку. Я не выскочил с пистолетом наперевес из машины и не бросился в погоню. Тогда бы еще оставался шанс схватить кого-нибудь за хобот и поговорить о том, о сем. Тем более что ни у моих пленников, ни у их спасителей огнестрельного оружия, по всей видимости, не было. Иначе они не стали бы почем зря крушить стекло, а просто сунули мне в ухо ствол, и я бы замучался доказывать, что не ишак. Ведь по всему выходило – именно ишак.

У меня, конечно, было оправдание – куда я без него? Скажем, будь я военный или еще какой постовой, и имей привычку бродить по свету с оружием на боку, при каждом удобном случае наводя его посредством мир и справедливость, то и сейчас не стал бы изменять такой привычке. Но я уже десять лет как был всего лишь таксист, и мне куда привычнее было крутить баранку и топтать педали газа-тормоза, чем заниматься отстрелом распоясавшихся варваров. Потому и сделал то, к чему привык за долгие годы работы в таксопарке.

А именно – поехал. Причем, не просто поехал, а с постоянным ускорением. Настолько большим, насколько мог себе позволить. А мог я многое. Хотя бы потому, что никаких препятствий впереди себя не видел – их надежно скрывала изувеченная лобовуха. А высовывать голову в окно с целью рассмотреть, что там, перед колесами, не хотелось. Я был не настолько дурак и понимал, что четвертой ошибки кряду могу просто не пережить. Спутают мою голову с лобовым стек-

лом, тукнут по ней с таким же увлечением, и никакой доктор лишней дырки в черепе не залатает. А даже если и залатает, мне от этого уже никакой прибыли не будет.

Потому я и ехал, имея перед глазами паутину исковерканного стекла, в руках – баранку, а под ногами педали, на которые мог давить в таком порядке, в каком хотел. Давилось почему-то на педаль газа. Правда, недолго. Пока не почувствовал глухой удар – бампер врезался во что-то мягкое. К примеру, в человеческое тело. Я немножко в курсе, как это ощущается с водительского сиденья, потому что, дело прошлое, грешен – сбил как-то алкаша, выскочившего прямо под колеса машины.

И только после этого я опомнился и сообразил, насколько глупо таранить ослепшей машиной все подряд, когда можно выскочить и порезвиться с пистолетом.

И я выскочил. Прихватив, на всякий пожарный, ключи зажигания. Мало ли что взбредет им в голову. Может, пока я буду гонять одного по закоулкам, остальные вернутся и захотят покататься на моей машине в мое отсутствие. А я не хотел, чтобы они делали это.

Но снаружи царили безлюдье и покой, нарушаемый только затихающим затихающим цоканьем каблучков по тротуару. Братки, судя по звуку, разбегались в разные стороны. Причем, довольно споро. От греха подальше. Бежали, наверное, быстрее, чем лошади. От страха такое случается. Я знаю, пробовал. Им бы сейчас на лондонское дерби, чтобы

честные люди делали ставки да выигрывали конкретные бабки. И чтобы да, так ведь нет – бегом они занимались в нашем, хоть и большом, но забытом Богом городишке, к тому же в три часа ночи, когда на технику движения их ног некому было даже полюбоваться.

Я припомнил, что, вывалившись из машины, один из моих недавних пленников вроде бы закричал: «Осторожнее, у него ствол!». Хотя и не поручусь. В тот момент у меня в мозгах была овсянка, я спешил начать действовать. Но, наверное, закричал, иначе бы они не стали отбивать себе пятки в этой дикой скачке.

С пистолетом в руке и чувством жестокого разочарования в сердце я стоял возле машины. Гнаться за поспешно отступившим противником было бесполезно, я прекрасно понимал это. Во-первых, парни убежали врассыпную, во-вторых, у них уже была значительная фора. Начни я выбирать себе объект для преследования, и эта фора увеличится еще черт знает на сколько.

В общем, погоня отпадала. Но вот пошариться вблизи машины стоило. Ведь сбил же кого-то, в самом деле. Прежде в галлюцинациях замечен не был.

Под «Волгой» и в непосредственной близости от нее туловища не было. Оно лежало чуток подальше и в стороне – у зеленых насаждений, черт его знает, как эти кусты называются.

Лежало молча, во вполне естественной позе перебравше-

го бомжа. Ноги согнуты в коленях и повернуты вправо, руки вытянуты в одну сторону, морда лица – в землю. В общем, глянуть со стороны – так просто человеку хорошо. Ну, бывает, что поделаешь. Хотя бомжом он не был. Если судить по одежде – так вообще брат-близнец разбежавшихся. Что, возможно, вполне себе правда.

Я подошел и ткнул его носком ботинка в бок. Никаких эмоций. Браток, угодивший под колеса машины, пребывал в бессознательном состоянии.

Я слегка разозлился. Меня заколебали эти тела в бессознательном состоянии. В салоне ожидал своей участи еще один такой, с дырой в животе. В общем, компания подобралась. И что мне с ними делать, я не знал. Только одно знал наверняка – бросать добычу здесь, на произвол грызунов и милиции, нельзя.

Изрядно побряхтев, – все-таки не тяжеловес, – я подтащил безвольное тело к машине. Там пришлось повозиться – засовывать гнущегося во все стороны хуцпана в салон, при этом стараясь придать ему сидячее положение, было не очень удобно. Главным образом потому, что «Волга» на это не была рассчитана. Предполагалось, что пассажиры будут усаживаться в нее сами.

Не без труда управившись с задачей, я оглядел результат своих праведных трудов придирчивым взглядом и решил, что дело сделано на славу. Захлопнув за телом дверь, уселся на водительское сиденье и с силой хлопнул обеими руками

по ветровому стеклу. То, сухо зашелестев, хрустнуло о капот, съехало по нему и осыпалось на землю.

Я сдал назад, развернулся и поехал в ночь. Ничего, за пять часов, оставшихся до конца смены, что-нибудь придумаю на счет лобовухи. Если что, пусть высчитывают стоимость из зарплаты. Не обеднею.

Несясь вперед по ночному шоссе, я ломал голову над тем, что делать с пленниками. Кое-какие мысли, конечно, присутствовали. Только все они были какими-то дурацкими. Например, отвезти братков в таксопарковский гараж. Но кому они там, спрашивается, нужны посреди ночи? Кроме трех дежурных диспетчеров да одного вахтера в гараже и нет-то никого. Хоть бы какой заваливающий водилишко попался, тогда можно было надеяться на сердечную беседу с этими двумя. Но таксеры, работавшие в ночь, должны были колесить по городу. Таковы правила игры.

Или еще мысль – отвезти их к Яну, чтобы тот понял, что я совсем не такое дерьмо, каким хотел показаться утром. Просто так надо было. Но, во-первых, у Яна была семья – жена и пара детишек, которых мне совсем не хотелось пугать до икоты, втаскивая к ним два бесчувственных туловища. Тем более что накануне сам Литовец изрядно подкинул эмоций своим домашним. А во-вторых, в его двухкомнатной квартире было слишком мало места для такой большой компании. И уж тем более для экзекуций, без которых вряд ли можно будет обойтись.

Наиболее умной, хотя и не менее бесперспективной, была идея доставить их к Генахе Кавалеристу. Он жил один, у него можно было развернуться от души. Кроме того, он наверняка был не меньше моего ошарашен смертью Четырехглазого, а потому будет стараться развязать пленникам языки с такой же настойчивостью. Но тут загвоздка была в том, что Генаха, подобно мне, работал сегодня в ночь.

Пока я разбрасывался мозгами по салону, пытаюсь найти ответ на мучающий меня вопрос, какая-то гнида рассудила по-своему. У музея естествознания из-за поворота вынырнула громада грузовика и понеслась прямо на меня. Что именно это был за грузовик – я не разглядел, ослепленный ярким светом его фар. Я только и успел, что крутануть баранку влево да вдавить в пол педаль тормоза. Такси развернуло, но не до конца – грузовик оказался неожиданно близко и взял «Волгу» на абордаж. Последнее, что я увидел – это кинувшееся на меня туловище раненного, почему-то без головы. И зачем-то подумал, что теперь уже, слава Богу, не придется искать оправданий за выбитую лобовуху. Оправдание – вот оно, мнет меня сбоку.

А потом все померкло в кровавом закате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.